

Я СТАРЫЙ АКТЕР. Привык к огням рампы, ко второму звонку, после которого отбрасываешь все личное, житейское, занимавшее твою мысль еще десять минут назад. «Собираешь» себя к началу новой жизни, так непохожей на твою, переключаешь ритм биения сердца, «настраиваешься» на нужную волну звучания и начинаешь входить в образ. И вот — раздвигается занавес...

Когда я сидел в зале в качестве зрителя, то довольно улавливал волнение, которое охватывало моих коллег по искусству. Я говорил о волнении перед каждым спектаклем. Волнение — это вполне понятное явление в среде работников искусства. Новая премьера, новый город, новый зритель, его восприятие, одобрение, похвала или осуждение — вот что сопутствует артистам в их творчестве всю жизнь.

Время гастрели. Алма-Атинского театра — всего какой-то месяц. Но и за это короткое время кемеровчане полюбили театр, полюбили многих актеров, по достоинству оценили интересный, разнообразный репертуар, квалифицированную режиссуру, яркое актерское исполнение.

Репертуар — зеркало театра, барометр, по которому определяют, насколько авторы справляются с задачей средствами сценического искусства, отображая многогранную, сложную жизнь.

Отрадно отметить то, что в репертуаре театра есть спектакли, «живущие» на сцене десятки лет. Это золотой фонд театра. К таким лучшим спектаклям, показанным кемеровскому зрителю, относятся «Джордано Бруно» О. Окуловича, а также «Зыковы» А. М. Горького. И, несмотря на давность постановок, они не утратили своих первоначальных красок, не «остарелись». Наоборот, звучат свежо и ярко!

Чем интересен данный театр, чем он так покорила нас? Это театр большой культуры, большой правды. Театр убеждает нас своей большой сыгранностью, ансамблевостью, за которой не так заметны отдельные слабые исполнительские силы, а они, конечно, есть в составе труппы, но тут и в букете актерских удач. О том и о другом я хочется поговорить.

Вот заслуженный артист КазССР В. С. Ахромеев. Это — большой мастер, создавший сложный героический образ Джордано Бруно и сыгравший роль Алексея в пьесе «История одной любви». Герой, созданный В. С. Ахромеевым, абсолютно не похож на друга по своей трактовке и наделен разными чертами характера. Большая заслуга артиста заключается в том, что он наделяет своего Бруно не только чертами мыслителя-бунтаря, но и чертами человека, направившего свое учение против Христа и церкви.

Образ Алексея артист наделяет скушностью, но выразительными красками. Алексей проводит через весь спектакль частоту своей любви. Он стыдится лишний раз поговорить со своей любимой женой Катей, даже тогда, когда она хочет уйти от него к Андрею. Замкнутость Алексея, кажущаяся черствость вначале вызывает у

зрителей недоумение, даже досаду на актера. Только со временем начинаешь понимать, что герой Ахромеева вовсе не сузурь. И под конец радуешься, что он, Алексей, пройдя через разлуку, войну, пересмотрел свой взгляд на мужское самолюбие и открыто говорит о любви.

Покоряет своей яркостью исполнение заслуженная артистка КазССР Н. И. Трофимова, создавшая целую галерею неповторимых образов. Первый из них — Елизавета, королева Англии. В исполнении Трофимовой — это топорная, надменная, хитрая и коварная женщина, у которой за обязательной улыбкой скрывается мстительная, кровожадная натура, скрывается ее лицемерие. Или возьмем другую образ — Целовановой в «Зыковых». Актриса растерзанную, застигнутую врасплох мешчанку Целованову превращает в хозяйку дома, которая все прибавляет к своим рукам. Куда девалась царственная осанка королевы! У нее мягкая походочка, гладко причесанная голова с подслушивающим ухом и подматривающими за всеми все время бегающими глазами. И совсем в другом облике предстает актриса в спектакле «История одной любви» в роли портнихи Марии Петровны. Роль сыграна так убедительно, что невольно преклоняешься перед ярким дарованием актрисы: что ни образ, то характер.

По законченности образов, тщательной отделке ролей, тонкому психологическому рисунку, проникновению в глубину и идеальное содержание сценических образов сразу узнаешь еще одного актера алмаатинцев — народного артиста КазССР Дюрдиева. Имея природное яркое дарование, помноженное на большой актерский опыт, он создает такие сочные натуры, как Антани в «Зыковых», изюмчика Жака в «Джордано Бруно», Платона в «Платонове».

Народную артистку КазССР В. Б. Харламову мне удалось увидеть в роли Софьи («Зыковы») и в отрывке Чехова («Платонов»). В обеих ролях это — тонкий, вдумчивый художник, который создает образы своих героинь с тончайшей ювелирной отделкой.

Народного артиста КазССР Ю. Б. Померанцева можно поздравить с творческой победой за создание образа монаха Монтальчина в «Джордано Бруно», а также за его Иеюю в спектакле «Миллион за улыбку». Но совсем иначе играет артист Крутлик в спектакле «Барабанщица» А. Салынского. В этом образе артист теряет чувство меры, говорит каким-то естественным голосом.

Из молодых артистов мне хотелось бы отметить заслуженного артиста КазССР Е. В. Попова. Артист создал ряд ролей, заслуживающих всяческих похвал, а именно: Михаила («Зыковы») — апатичного, хилого, опустошенного человека, не от мира сего, ядовитого, целеустремленного летчика Федора в «Барабанщице».

Я несколько не согласен с рецензентами, которые упрекают артистку В. Мотовилову в излишней крикливости в образе Марчеллы Джератти. Надо знать экспансивность и темпера-

мент итальянца, а кроме того — представить себе девушку, которая, находясь в бедности и живя мечтой выйти замуж за миллионера, лихорадочно готовит себе приданое. От мечты остаются только осколки разбитого счастья, смерть отца и позор. Когда представишь всю эту картину, то не только закричишь, а взвощешь от обиды и боли. По-моему, артистка В. Мотовилова очень правдиво создает образ этой несчастной девушки.

Относительно артистки Л. Нельской в образе Джулии Грегоретти. Ее упрекают в вялости. Я не согласен и с этой оценкой. От тяжести судьбы героини эта «вялость»! Это — страдание и опустошение в капиталистическом мире, где все продается и покупается за деньги.

Совсем другой образ у Л. Нельской — Нила Снежко. Каким богатством красок наделяет актриса свою героиню в «Барабанщице»! Она так мастерски ведет свою роль, что зрительный зал затихает, потрясенный. В этом образе она вся раскрылась, показав свои большие актерские способности.

Другое дело — нельзя умолчать о таких актерских несудачах, как, например, исполнение образов учеников и последователей Джордано Бруно в одноименной пьесе. Они не только по исполнению очень слабы, но и настолько юны, что предстают скорее мальчишками, школярами, чем взрослыми мужиками с установившимися взглядами.

Неубедителен аясл. артист КазССР Азовский в роли Чуфарова в «Барабанщице». Артист Е. П. Аренский настолько злоупотребляет акцентом, что два образа, созданные им, а именно Хевери в «Зыковых» и корреспондент в «Истории одной любви» звучат как один. Хевери мне очень понравился в исполнении Аренского, и его можно было бы расхвалить за него, но когда эти же краски повторяются в роли корреспондента — это уже опасное явление в творчестве артиста, это уже штампы.

В статье трудно рассказать обо всех артистах. И пусть не обидятся товарищи, что я не упомянул всех. Одно можно сказать, — что коллектив театра очень хороший, с большим будущим.

А. КНЯЗЕВ,

заслуженный артист РСФСР,
г. Кемерово.